

ПАМЯТИ ИЛЛАРИОНА НИКОЛАЕВИЧА ПЕВЦОВА



И. Н. ПЕВЦОВ



В „РОБЕСПЬЕРЕ“



В „СЕНСАЦИИ“

Я познакомился с Илларионом Николаевичем пятнадцать лет назад — на генеральной репетиции „Павла I“ в Государственном показательном театре в Москве. Помню первые болезненные выкрики Певцова — Павла, раздававшиеся еще из-за кулис. На этих же первых репликах он сорвал голос.

Позже, когда мы познакомились с ним ближе, Илларион Николаевич говорил, что это обстоятельство помогло ему закончить роль, найти для нее новые краски и оттенки. И эта роль, — я помню ее и сейчас, — остается одним из лучших образцов певцовского мастерства, остро обвинительным портретом большого художника.

В 1922 г. по предложению В. И. Немировича-Данченко я начал переговоры с Илларионом Николаевичем о его работе в 1-й студии Московского театра, ныне МХАТ 2. Я ставил тогда „Короля Лира“. Певцов играл Лира, и на этой работе мы познакомились с ним наиболее близко. В Москве Певцов сыграл еще одну роль — Князева в „Расточителе“ Лескова — и после этого перешел на работу в Гос. театр драмы.

В Госдраме я впервые увидел Певцова в „Страхе“. Как вырос этот неутомимо работающий актер! Вспоминается чье-то замечание, что Певцов достиг зенита своего творчества в роли Павла I. Певцов своим Бородиным показал, что он будет идти вперед до последних дней.

В театре Госдрамы мы с Певцовым совместно работали над двумя ролями — Клаус в пьесе Киршона „Суд“ и консул Берник в „Столпах общества“ Ибсена. Большая работа, длившаяся почти год и прерванная смертью И. Н., проведена и над Борисом Годуновым. Мы много разговаривали и много спорили с Илларионом Николаевичем по поводу трактовки центрального образа пушкинской трагедии: на каждой репетиции я видел, что Певцов приносил с собой что-то новое, он приходил с неизменным запасом творческих предложений.

Певцов был принципиальным художником, страстно отстаивавшим свои убеждения. С этой точки зрения с Певцовым было работать очень легко, когда актерские замыслы совпадали с режиссерскими, или же очень трудно, когда Певцов давал свою, несогласную с режиссерской позицией трактовку.

Глубокая интуитивность — вот основной метод певцовской работы. Певцов теоретически не признавал техники, но он мастерски владел техникой внутреннего рисунка роли, техникой скупой подачи выразительных средств.

Это была яркая артистическая индивидуальность. Зная стиль его игры, вместе с тем нельзя было сказать заранее, каких вершин творчества

Ленинград достигнет он в работе над новой ролью. Чувство самодовольства отсутствовало в характере Певцова. Он был художником повышенной требовательности, неустанных творческих исканий. Поездка Певцова с киноэкспедицией на Памир — это также поиски новых образов, которых, по его мнению, он не мог дать на сцене.

Смерть Певцова — большая потеря для нашего театра, для всего советского искусства.

Засл. деят. иск. Б. СУШНЕВИЧ

Он настолько был молод душой, настолько весь полон энергией, мозг его был настолько пытлив и любознателен, что в его смерть как-то трудно поверить.

Мне часто казалось, что если бы Илларион Николаевич не был таким блестящим актером, то он, вероятно, был бы ученым, философом, исследователем, и, вероятно, не менее блестящим. Его натура была на редкость разносторонней. Его мозг был на редкость жадным до всех вопросов науки, техники, философии. Для такого большого мастера советской сцены эта разносторонность несомненно редкое и ценнейшее качество. И не она ли, не эта ли разносторонность, не эта ли большая культура, наряду с исключительной талантливостью, и помогала создавать Иллариону Николаевичу незабываемые образы на сцене?

Передо мной прошел весь блестящий путь И. Н. Певцова на сцене Ленинградского театра драмы. „Конец Криворыльска“, „Живой труп“, „Павел I“, „Столпы общества“ — во всех этих спектаклях я имела счастье непосредственно наблюдать большое мастерство этого человека, черпать свой опыт из сокровищницы его опыта и культуры. В работе Илларион Николаевич был исключительно принципиален и требователен к себе и другим. Он всегда боролся за глубокое вскрытие текста. Никакой поверхностной, необоснованной эмоциональности. „Мысль дайте, мысль прежде всего дайте, а не волнуйтесь зря по поводу происходящего“ — говорил Илларион Николаевич.

Своим умением правильно и глубоко вскрывать авторский и режиссерский замысел он невольно заставлял я других добиваться этого же. Он так вел свою роль, что партнерам на сцене часто становились ясными их актерские задачи и основная сущность образа. Если этого не было, Илларион Николаевич на репетиции останавливал партнера той же фразой: „Мысль дайте!“ — и менее опытные актеры учились у большого мастера умению вскрывать текст.

В моем творческом пути Илларион Николаевич также сыграл большую роль. При первой же нашей совместной работе в „Конец Криворыльска“ он осторожно, тактично дал мне ряд

1934 год X.

принципиальных советов в области актерского творчества. Я приняла их и в дальнейшей своей работе закрепляла результаты этих советов с помощью самого Иллариона Николаевича. Этот большой мастер был и большим, ценным учителем.

Если ко всему этому прибавить ту исключительную бодрость и молодость его натуры, о которой я уже говорила, его правдивость и большую силу воли, его подлинную преданность делу партии и пролетариата, — то станет ясным, что мы потеряли изумительного, неповторимого человека. Поэтому так трудно поверить в его смерть. Поэтому он всегда будет с нами, в нашей работе, в наших мыслях, в наших сердцах.

Засл. деят. иск. Е. ТИМЕ

Умер Илларион Николаевич Певцов. Утрата этого крупнейшего мастера советского театра, замечательного волевого человека, изумительного учителя настолько велика, что ее просто трудно отразить в сухих строчках слов.

Я знал покойного Иллариона Николаевича в течение семи лет. И эти семь лет рисуют в моей памяти образ совершенно исключительного актера и большого человека.

И. Н. никогда не бросал своих мнений, оценок, советов на ветер. Он был очень скуп на слова. Но если давал совет в работе, то этот совет был настолько глубоким и ценным, что сразу становился ясным путь дальнейшей работы над образом.

Свою работу в „Страхе“ и в „Столпах общества“ я вспоминаю с наслаждением. Работать вместе с Певцовым в одном спектакле, видеть около себя исключительное мастерство этого человека — разве это не огромная школа для молодого актера? Актерская тренировка Иллариона Николаевича была поразительна. Он мог сказать в тот или иной день, сколько слез он прольет в роли Бородина в „Страхе“ (сцена у следователя). Это не профессиональная бравада и опошление образа — нет, это свидетельство исключительной актерской тренировки, мастерства, доведенного до совершенства.

Я не могу до сих пор забыть одной фразы консула Берника (в исполнении Певцова) в финале „Столпов общества“. Его фраза „Какое счастье, какое огромное счастье, Бетти!“ — вызвала буквально слезы на глазах других актеров на сцене, несмотря на то, что они ее слышали десятки раз.

На ряду с актерской техникой, эмоциональная глубина его актерского таланта была исключительна. В работе И. Н. был образцом для остальных актеров, в частности для нас, молодежи. Мы учились у него искать в тексте прежде всего основную тему,

как всего спектакля, так и образа, а затем уже разрабатывать этот образ со всех сторон.

В жизни Илларион Николаевич был на редкость сильным и правдивым человеком. (Образ сильной волевой личности привлекал его больше всего также и в актерской работе). Фальшь была совершенно чужда ему. За все это он пользовался у нас, актеров, огромным уважением; даже больше того — мы преклонялись перед ним.

Утрата Иллариона Николаевича — это тяжелая непоправимая утрата. Для нас, молодых актеров, она тяжела вдвойне. Но мы приложим все силы, направим все наше творчество на то, чтобы идти по стопам И. Н., расти на том опыте, который нам дал этот огромный мастер, чтобы иметь право называться его учениками, его последователями.

М. НИКЕЛЬБЕРГ

Такую жизненную энергию, какой обладал покойный Илларион Николаевич, трудно еще у кого-нибудь найти. Он жил полнокровной творческой жизнью, он любил свою профессию, он любил театр горячей любовью, какой должен любить театр настоящий актер. Ни одна новость на театральном горизонте не проходила мимо его любознательного ума. Обычно несколько замкнутый и сдержанный, он делался неузнаваемым, когда речь заходила о театре, о новом интересном актерском образе, пьесе, спектакле. Тогда он был полон настоящего юношеского темперамента.

Обширная культура Иллариона Николаевича, его большая воля и настойчивость в достижении намеченной цели позволяли ему создавать богатейшие, иногда непревзойденные актерские образы. Школа, воспитавшая Иллариона Николаевича — это школа МХТ.

В своей работе Илларион Николаевич стремился „как можно меньше играть“. „Нужно жить на сцене!“ — заявлял Илларион Николаевич — и он действительно жил на сцене, заражая и покоряя своим исключительным талантом и нас, актеров.

Я лично знал Иллариона Николаевича с 1922 г., с МХТ I, где я также работал в этот период времени. Двенадцать лет знакомства с Илларионом Николаевичем показали мне, насколько талантлив этот человек.

Смерть И. Н. — слишком тяжелое горе для всех нас. Илларион Николаевич никогда не уйдет из нашей памяти. И не только для нас, людей близко знавших его, я думаю, что для всего театрального мира Ленинграда и Москвы образ этого большого мастера, его опыт, его актерские достижения будут долго служить источником для творческого роста нашего театра и всего советского поколения актеров.

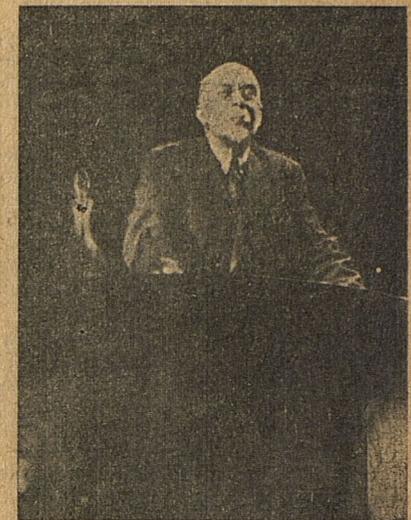
С. АЗАНЧЕВСКИЙ



В „ПАВЛЕ I“



В „ТАРТЮФЕ“



В „СТРАХЕ“